

Или же возьмем другой известный пример. Когда в 1871 году Парижская Коммуна решила платить членам своего Совета по пятнадцати франков (около пяти рублей) в день, тогда как рабочие, дравшиеся на укреплениях, получали всего тридцать су (около пятидесяти копеек), это решение приветствовали как высшее проявление демократического равенства. В действительности же Коммуна только подтвердила старое неравенство между чиновником и солдатом, между управляющим и управляемым. Со стороны какого-нибудь парламента такая мера могла бы показаться очень прекрасною, но для Коммуны это было изменой своему революционному принципу, а, следовательно, осуждением его. Не наемную плату, на которую, между прочим, и прожить было невозможно даже рабочей семье, должна была платить Коммуна тем рабочим, которые сражались за нее. Она должна была счесть своим первым, святым долгом обеспечить существование своих борцов и их семей.

В современном обществе, когда мы видим, что министр заставляет платить себе по тридцати тысяч рублей в год, тогда как рабочий должен довольствоваться тремястами рублями или даже меньше; когда мы видим, что надсмотрщику над рабочими платят вдвое или втрое больше, чем рабочему, и что даже среди самих рабочих существуют разные платы - от трех или четырех рублей в день до двенадцати копеек, зарабатываемых крестьянкой, - мы негодуем. И негодуем мы не только на высокое жалование министра, но и на такое различие в зарплате рабочего и крестьянки. Мы говорим: «Пусть привилегии, связанные с образованием, исчезнут так же, как и привилегии, связанные с происхождением!» Рабочие потому именно и становятся революционерами, что всякие привилегии их возмущают.

Но если они возмущают нас в современном обществе, то как же сможем мы терпеть их в обществе, которое начнет свое существование с провозглашения равенства?

Вот почему некоторые коллективисты, понимающие, что ступени в заработной плате не смогут удержаться в обществе, проникнутом духом революции, спешат провозгласить, что заработная плата будет для всех одинакова. Но здесь они наталкиваются на новое затруднение, которое делает из их равенства заработной платы такую же неосуществимую утопию, как и ступенчатая плата, предлагаемая другими.

Общество, которое овладеет всем общественным богатством и громко провозгласит, что все имеют на него право, какова бы ни была в прошлом доля участия каждого в создании этого богатства, - такое общество должно будет отказаться от всякой мысли о наемной плате, в какой бы форме она ни представлялась: в виде ли денег, или в виде рабочих чеков.

IV

«Каждому - сообразно его труду», - говорят коллективисты, т. е., другими словами, - сообразно его доле к услугам, оказываемых обществу. И этот принцип нам предлагают приложить на практике, после того как революция обратит в общую собственность орудия труда и все необходимое для производства!

Если бы социальная революция действительно провозгласила это начало, она этим самым поставила бы преграду дальнейшему развитию человечества и оставила бы нерешенной ту громаднейшую общественную задачу, которую мы получили в наследство от прежних веков.

В самом деле, в таком обществе, как наше, где мы видим, что чем больше человек работает, тем меньше он получает, - такое начало может казаться, с первого взгляда,